

Филимонова Анастасия Евгеньевна
II класс
регион: Челябинская область
рег. номер: 2040

ТЕТРАДЬ

для _____

учени _____ класса _____

_____ школы _____

51688

44

Знаки

Литература — как русская, так и зарубежная — ~~чаще~~ часто обращается к образу творца, к проблемам творчества. Не столько часто, что сразу. Данное произведение написано на тему поэта и поэзии, можно считать универсальным началом школьного сочинения по литературе. Тема действительно важная и значимая много писателей, реализуется ими, обобщенно, в достаточно высоком ключе и творческом тоне. Однако перед нами произведение прозаическое, в котором лицом это прежде всего человек, у которого может быть сильный характер или просто северное настроение с угрозой. ^{произведением} Особенно важно такое рода во всем — вес человека, еще более остро осознается перед лицом мировых войн и все расширяющейся машины технического прогресса свою хрупкость и хрупкость существования, кинется, беззащитного перед сухим прагматическим мышлением и в

* ково-
рога ен-
валет
соверше
нио не-
выносит
хотел и
одарен
Калсином
и уне
иет
визель
и котора
и котора
так, как
не мона
ишко
другой*

то же время невероятно, изумительно важно, Сергей ~~Д~~Доблягов, обращаясь к обрешетке со временем большую легкость и поэтику юмора теме творца и творчества, много из своих произведений повествовал взаимоотношениям писателей с другими писателями. Как известно, эмигрировав в Америку, Доблягов создал целое жизнеописание русского литературного зарубежья 80-90-х годов — рассказы, очерки и целые очерки, с юмором и вниманием рассказывающие о беспокойной творческой интеллигенции. Порою, как, например, в цикле «Литература провозглашается», очерк Доблягова невероятно близок к анекдоту — так юмор автора и смешна ситуация, бывшая или не бывшая — все известно, в творчестве ^{Доблягова} ~~Доблягов~~ позитивные события недро спадом авторской выдумкой и развлекательными не всегда позитивно несутся, рассказывается прозы друг о друге. (В своих эссе стоит вспомнить, что и великий Вазари в своих «Жизнеописаниях» не пренебрегал байками о Джоттовоском кругу

и разнообразными слухами о жизни Леонардо да Винчи — возможно, это некие негласные законы жанра).

Однако рассказ «Жизнь коротка: да о том, что это это рассказ нам говорит непонятно длина текста, ограниченность круга действующих лиц и времени действия, завершённость основного действия, отсутствие повелительного поворота сюжета, позволившего бы предположить принадлежность данного произведения к жанру повести, а так же отсутствие еще ряда признаков, позволивших бы усомниться, что это рассказ, а не, к примеру, поэма), рассказ этот достаточно далек от полуапокалиптической формы, характерной для цикла «Литература провозглашается», к которому он близок тематически.

То, что Левицкий, один из основных героев рассказа, человек творчески полностью буквально с первого предложения — сспоминается им метафор. Приходилось поочередно образы, ксаячи, много раз упоминаются мастерами слова, мажовские писал в

статье. Как делать ссылки о необходимости
держаться у кровати писателя и критиков, и этот
момент, вызывая у читателей целые ряды
литературных ассоциаций, ~~фраза~~ готовит его
к восприятию текста, побуждает к мыс-
ли творческого человека. Впрочем, весь образ
Левинского строится на ассоциациях и отсылках
к реальным людям и событиям. Наибольшее
число параллелей можно провести, разумеется,
с Набоковым — тут и коллекционирование
бабочек, и грейпфрукты Боккеро, и великолен-
ное знание английского языка, и недостижимое
игольничье премия и легендарное ненави-
ствование к цензуре и хамству, доходящее по-
рой до шовинизма. В целом же его образ —
хрестоматийный образ сварливого мудака-ге-
ния, с характером для описания ~~подоб-~~
подобных персонажей обращением к тогды-
шним о них слухам. Показательны обороты
Биографическое... «Все знали», «Все знали о
его мудачествах», «ходили легенды». Практичес-
ки в любом произведении, где есть эссеист-
ские моменты (тем более там, где важна

персонаж, мы найдем подобные обороты, высту-
пая с анафорой и синтаксическим парал-
лелизмом в описаниях («О его вечерних...»,
«О его дугах...», «О его высказываниях...»). Кро-
ме того, это характерная черта Доблдова —
очеркиса и неодокументальности по боль-
шей части — характеризовать героя через
какие-либо детали его поведения и то,
что о нем говорят и думают окружаю-
щие. О мудачествах Левинского писатель узнает
из документально, или избор фактов по боль-
шей части отрывочных, слухов. О его ви-
сокомерии говорят те же слухи и тот, к
примеру фраза, что второй твоя геройне,
Решине Гастаран, пришлось описать зарисовку
изначальной безречи. Больше часа.
Описание ~~самого~~ Решиня достаточно интерес-
но, вернее интересно то, что автор упоминает
«ничего», лежащее в ее сутонисе раньше,
чем представляется саму героиню. Впрочем,
о этом «ничего», его исключительной важ-
ности, и том, почему оно сравнивается
с пусь дамы, но оружен, ~~еще~~

стоит написать позже и подробнее, вернуться пока к Ренне, её биографии (персонаж уже без имитации отсылки к евреям - по словам достаточно типична для эмигрантки из среды интеллигенции. Однако помимо типического для той эпохи («типичная советская интеллигентка»; отец, осужденный в Бат и реабилитированный при Хрущеве, отъезд в Америку в 40-х, трудное начало новой жизни в другой стране) автор пользуется образ Ренне Гаспарен богатом ассоциативным материалом. Так, обращение в доме её отца - известного художника вызывают ассоциации с собраниями Лиды Зубцев, а фамилия выделенных в этом кружке поэтов Липского и Брейна - с ~~Брайна~~ входящими в круг собиравшихся у Ахматовой молодых поэтов Брескин и Рейном. Кроме того да и в целом для той эпохи характерны были собрания молодых и творчески людей, вместе читавших самиздат, восхищавшихся тем или иным великим творцом и,

часто, поэт миссов уезжающих в эмиграцию после конца оттепели. Особо стоит упомянуть о восхитении тем или иным деятелем искусства - безделье Ренне о Левинском, необсужденно, ~~тоже~~ само появление в тексте биографии и слухов о Левинском, кажется обусловленным именно ее вниманием к нему (это проследует двойное значение передачи его биографии и характера через ~~тоже~~ материалы истории о Левинском - легенды). Само свое будущее в эмиграции Ренне связывала с тем, что сейчас Левинский и похоронил долгие месяцы из поиска его первой книги.

Однако... Чуть более шести лет прошло до встречи героини с человеком, которого она считала своим самым важным для своей судьбы. За это время Ренне и её семья успешно справилась с проблемами эмиграционного бытия, вышла её первая книга. Важно отметить, что автор прямо указывает на то, что книга была совсем непохожа. Вызвала положительную реакцию, с. →

одним из рецензентов был и) и это
второй случай, когда автор (или ~~просто~~
новостворитель) прямо вторгается в текст.
Второй случай из двух, причем оба
связаны с творческими ~~намерениями~~ на-
нами и произведением Решни, что гово-
рит о положительной оценке её творчества.
В довольно-таки теплых красках говорится
и о самой Решни: «красивая, пышная,
«баронесса», происходящая из благородной
семьи. Несомненно и её упоминание — в малень-
кой поэтике Львицкого, в частности
его книги, даже в увольнении с работы
«за изданные рвение: ~~и конечно, за~~
~~эту~~». Поиски книги, кстати говоря, об-
лего собой довольно типичную (судя по
темперам шести десятилетий) картину для
той эпохи: спекуляция, обмен чужими ко-
знакомствами, фигурирование в обменах на
равных за различные служебные и прочие
услуги. Особенно поражает, как кому-то (на
равных условиях), достаются такие маленькие
приношения, а кому-то фирменная обложка.

ица писателя. В ходе всех этих спекуляций
Решни запонучает «голицыно зеленобатую
книжку», описанную с документальной
точностью (описание сгруппировано под
издательские данные). ~~Воо~~
Вообще, интересно, как меняется описание
этой книги по ходу текста. Герлицца, переиз-
дав слова Решни говорит, что та назвала
книжку «редкоство» и «лицуизбушка (!)», что
говорит о том, какой ценной казалась малень-
кая её почти книга. А так же о том,
каким давлением для Решни был год 1916
год, в котором Львицкий был уже ~~почти~~ ^{вполне} зре-
лым человеком. Вообще, интересно, как по-
тому меняет время для героев: Львицкий гово-
рит себе «Богородице! Еще один день рождения»,
словно дни рождения у него случайные
и какие-то неважные, а его ~~повесть~~ ^{мелочные} ~~иногда~~ ^{иногда}
повесть, дочь поэта Бориса Забыва
говорит о встрече в 1934 году так, словно
это было совсем недавно. С тех пор мы не
виделись. Боже, что его адрес мог измениться.
»). Для Решни же книга 1916 года — ничто-

набула. Безусловно, в этом мучается и
иногда проше нас её воспринимает
через книгу своего кумира, но из
контраста внебизно разное восприятие
прошлое время, а следовательно, и
жизни.

Левинский, говоря о себе, эту книгу и книгу
до неграмотного перевода и текста
сравнивает и воспринимает очень деятельно,
весьма (иногда, «отключившись кореток», ~~и~~
успешно промолвленная бумага), что резу-
льтатом отличия от общепринятого-воображаемо-
го восприятия её Ретинской (сказка — книгу-
набула уже после (во временном плане)
авторского документального описания). Ав-
тор описывает книгу, словно списывая вы-
ходные данные с форзаца, не охватывая и
ни Ретинским воображением, ни исторической
памятью («вероятно, это эскизы моих же после-
дующих романов», но далеко от моего понимания),
что даёт документальный характер повес-
тованию и подчёркивается авторской объек-
тивностью (которая, кстати, присуща только

тебя и все положительной оценки книги
(Ретинской).

Почему же книга сравнивается автором, со-
поставляя к документальности силе (правда
документальности в Довлатовском, критическом
духе) и драматизмом Брушиным? Да потому,
что «пошестенный сборник» для уже очень
немолодого Левинского — еще одно напоми-
нание о том, что жизнь — коротка. Вме-
сте с тем, напоминание не раньше чем судьба
ное — он и сам помнит о возрасте, мучит
о заветных, спрашивается, не с какой-то
ожидающей его дамой (Торжественно, кстати говоря,
на отрицании этого вопроса, вымышлене не зная-
реша) и в действительности не существую-
щих сборник полувековой (как минимум)
давности. Левинский, несмотря на свое
легендарное высокомерие, ~~и~~ критикует, он
критикует нас своей старостью, нас своей
слабой («Эту фразу можно приберечь для
репортеров и для забавное сочетание
заголовков»), нас своими почти чуждыми
(сравнивая же свои самозабвения,

Затем эти книги с детства читаешь
и попадаешь по возрасту под дуновение
Гиде Мондсана). Предельно пропитан он
и к стремлению молодых читателей непре-
менно получать отзывы от читателей коллег
кумиров, ~~как~~ он не читая, выбрасывает руко-
пись Ретина. ~~Вот~~ Не среди ли это не-
равное отношение к жеманно отзыву,
рецензии, с его неадекватно к цензуре?

Однако в голове Левинского рождается
достаточно позитивный текст, который
вообще можно обозвать Ретина, явно
расстроенную приемом, ~~не~~ оказавшим
ей эксцентричным стариком — о её смелом
и благоволенном обзоре сказано прямо,
подвергают это и её манера (Мог бы
поинтересоваться...) и перевозность себя-
виз (отозвучала чашка — звонил по телефону, се-
резно, выходя, первую закурилась), Ретина
первичная, говорит — прозой — естественной,
её речь вырвана обрывками, полнота
многотомный срываясь — она шла на встречу
с кумиром, неся ему книгу, которую

считала крайне важной, Левинский же
не воспринимает кумиропоклонничества
и, торжествующе выбрасывает неум-
ное материальное свидетельство того,
о чем он и так прекрасно помнит. ~~Поч-~~
ему же, полнотой позвердив слухи о
своей незаметности и высокомерии, да-
же не ~~просто~~ раскрыв присутствие ему
рукопись, старик все же мысленно спра-
шивает посетительнице теплые слова, хотя
и опытная юная более его ощущение-
те «ослеп», не жели её рассказы, тема
которых в общем-то не очень ясна?
Левинский и эксцентрический старик
совсем не глумится. крупнейшей русской
писатель) и, несмотря на сподвизн, не
замолит, ибо не собирается ничего
поучать. Не зря в описании Левинского,
практически неадекватно окрашенной
лексикой (кроме «высокомерен» и «несчастен») —
автор совершенно не осуждает своего
сложнохарактерного героя, как совершенно
но не осуждает и несколько восторжен-

* у нас
своей
напомн
наше
о его
старосл

17.11.1977 = 44 (aged 100) (handwritten)

* кроме нулю Решину. И это прощание и правды, дою, и незлой смех над несовершенными героями, все повесть же родит рассказ жизни короткой с призывом к литературе прозописания. Рассказ, и не формой подачи, и опорой на реальные события (уровень этой опоры в рассказе и в очерках цикла как раз-раз-ухару и совершенно разный), но прощание и правды, прощанием и призывом к литературе и поиском недостатков творческих людей, а авторская не ~~за~~ прощание над литературными обещаниями, критикой и журналами, ставящими и такой целью классифицировать и оценить меру своей давая какие-либо оценки творчеству Решина (ведь он думает дать теплоту, но слишком безоценочный отзыв, приводя в е, но не вариант ~~давать~~ давал и в своем случае уезжая).

Рассказ этот во многом чертит вообще характерен для Довлатова — и неустойчивой разговорной речи в прозе Решина, и широтой контекстуального плана, и яркими описаниями советского

и эмпирического бытия (чего собой только невозможная смесь истинного спекулятивного Савелья и описания жизни Решина за границей), и неведомо документальной, и нежеланием брать на себя себе или возлагать на кого-либо право раздавать оценки и артометам юмором, и ясностью, легким юмором, и нежеланием брать на себя или возлагать возлагать на кого-либо право навешивать ярлыки и раздавать оценки. Возможно, творчество действительно не терпит оценок, как и странно было бы завершать этот срочный олимпиадный работу.

При неосознанной эрудиции автора работы (оценивая знаковые литер. работы) интерпретации решения могут быть лучше и интереснее — средние модные — даже в конце это повороты. К сожалению, слишком narrow автор сардонически не сардонически четвертные герои — и не свои уральские формальные вычисления соотношения культуры и реальности в пенитенциарии (С. Довлатов).

17 / 13 / 7 / 7 = 44 (срок работы) (Vand)